

НЕ ЗАВИДУЙТЕ МЕЩАНИНУ!

На субботней беседе в редакции актер Свердловского академического театра драмы, народный артист РСФСР Валентин ВОРОНИН

Мы пригласили его потому, что одна из сыгранных им недавно ролей стала не только заметной в его творческой биографии, но и приобрела большой общественный резонанс. О секретаре замминистра Ермакове из спектакля «Последний посетитель» по пьесе В. Дозорцева заговорили как о реальной личности. «После премьеры были у нас обсуждения, встречи со зрителями, — рассказал Валентин Александрович, — и характерно: везде люди вели речь не столько об актерской игре или качестве постановки, а о проблеме, которую задает спектакль».

— Но, может быть, именно актуальность проблемы, воплотившейся в образе, и обеспечила ваш актерский успех!

— Я думаю, что успех вообще-то непредсказуем. Проблема в пьесе может быть важной, и все же самое трудное в нашей профессии — сделать так, чтобы по сцене ходил не актер с такой-то фамилией, произносящий текст театрального персонажа, а словно бы сам этот человек из плоти и крови. Но как это сделать? Великий русский актер Михаил Семенович Щепкин признавался на склоне

лет, что чем больше он живет на свете и чем больше играет, тем больше понимает, что не умеет играть. Я думаю, эти чувства испытывает каждый актер, требовательно относящийся к своей работе.

Раньше многое представлялось проще и легче. Получить роль, и кажется — сил много, мне это сделать ничего не стоит! Играешь и получаешь удовольствие от самого пребывания на сцене, от процесса игры. Со временем желание просто играть отступает перед иным. Думаешь: «А что этой ролью я скажу зрителю?» Признаться, роль Ерма-

кова в «Последнем посетителе» мне сначала показалась неинтересной для воплощения, чересчур прямолинейной, что ли, и вот, уже в конце репетиций, между мною, актером, и образом неожиданно пробежала искра, персонаж ожил. Возможно, потому, что «заработали» во мне мои гражданские чувства, жизненный опыт и наблюдения...

— А как представляете вы социальное зло, которое олицетворяет ваш Ермаков!

— Этот жизненный тип узнаваем. Кто из нас не бывал в начальственных кабинетах, хозяева которых, получив от народа власть, забывали, зачем они ее получили, употребляя так, как выгодно и удобно в первую очередь им самим. При этом по-своему Ермаков ведь незауряден! Я сказал бы, что это тип делового мещанина, умного, энергичного, в чем-то даже талантливое. Такие, как он, опасны вдвойне. И как же яростно Ермаковы, — только заданы! — отстаивают свои права! Ермаков — мещанин воинствующий. Оно и вообще воинствующее, современное

мещанство. Может быть, тогда, когда, репетируя, я осознал это, у роли и появился тот нерв, которого прежде мне не хватало. Благовоспитанный, интеллигентно-обтекаемый, лениво-валяжный Ермаков начала спектакля вдруг становится жестким, агрессивным и — беспощадным.

— Да, Ермаковы не сдадутся без боя.

— С позиций их не собьешь! Мой Ермаков ощущает себя всемогущим хозяином жизни («Я знаю, как жить!»). Вот захотел — и посадил Казмина в высокое министерское кресло, а сам неплохо устроился рядом с ним. Что же касается средств достижения цели... Такие, как он, в нужный момент закрывают глаза на «детали».

Вообще говоря, испытание властью — одно из самых серьезных. Здесь могут вырваться лишь настоящая идейная убежденность, внутренняя культура. Ермаковы же, в которых качества эти отсутствуют, без зазрения совести произносят высокие истины, а поступают наоборот. Питатель-

ная среда для них — бесконтрольность, отсутствие внешних и внутренних «тормозов», попустительство. И обратное внимание: даже вроде бы получив хороший урок, Ермаков не чувствует себя побежденным. Урок этот просто научит многому, заставит быть изворотливее, мимикрировать тоньше.

— Вы, Валентин Александрович, очень верно сказали о питательной среде, на которой «взошел» Ермаков. Об «источках» подобных деятелей нельзя не думать сегодня, когда общество объявило таким, как он, самую неприемлемую войну. Появление таких фигур, такой философии — это издержки и воспитательной нашей работы. Что-то мы упустили и упускаем! Не в пример Ермаковым недостаточны воинственны. В новых условиях действуем старыми средствами. А условия-то действительно изменились. Общество переживает стабильный, мирный период развития, когда нет экстремальных ситуаций, требующих особого сплочения и напряжения сил [как было в

годы Великой Отечественной войны]. Это еще и условия растущего материального уровня жизни, а «испытание сытостью» — тоже проблема.

Помните центральную сцену романа Юрия Бондарева «Берег», инсценировка которого шла в вашем театре, — идеологический диспут в ФРГ, в котором принимает участие советский писатель Никитин! «Большинство людей, — утверждает оппонент Никитина буржуазный интеллигент Дицман, — не знают, чего они хотят. Бифштексы! Машины! Телевизоры! В этом истина! В этом конечная цель!.. Революция! Классовая борьба! В чем ее последняя суть! Опять цель — холодильники для всех...».

— Я хорошо помню эту сцену. Дицман, которого я играл, говорит: «Обыватели живут в одурманивающем мире товаров и превращаются в бездушные машины потребления...» Никитин не отрицает, что и советское общество ждет испытание миром вещей. И коли уж мы задели примеры из литературы, скажу об одной мысли, высказанной не-

давно Виктором Астафьевым. Он писал, что мещанину прямо-таки иной раз позавидовать можно. У меня, мол, много проблем, что-то не получается, с чем-то несогласен... А мещанин купил ковер, холодильник, телевизор, достал мясо, отработал «оти» и «до», за полчаса до конца смены собрал инструменты и в шесть часов в пятницу — у себя на даче, и ему все трин-трава.

— Но ведь Никитин (возвращаясь к нему) прекрасно возразил Дицману: «Революция — это отрицание безразличности и утверждение нравственности, то есть вера в человека, и борьба, и, конечно, совесть как руководство к действию. А вы сами сказали, что веры и идеалов на Западе нет...».

Как важно отстаивание, горячее, пламенное, во имя человека и его счастья наших высоких идеалов! И разве не этот процесс идет сейчас в нашем обществе? У нас есть что противопоставить потребительству, и мы должны в полной мере использовать это богатство, всеми средст-

вами утверждать высокую социалистическую духовность.

— В том числе и искусством, — ведь с ним общаются миллионы людей. Разоблачать уродливое, вызывающее наше негодование, — да, это необходимо! А часто ли мы своими спектаклями по большому счету говорим с людьми о смысле жизни и жизненных ценностях, так ли, как надо, помогаем разобраться в них молодежи?..

— Завидовать мещанину нечего — я понимаю горькую иронию Астафьева. Образ жизни, избранный мещанином, неизбежно ведет к оскудению личности, внутреннему перерождению. Недаром говорят, для таких небо «с рожденья». Для них недоступны высокие радости. Жизнь подтверждает это многочисленными примерами. Горячо, страстно сказать об этом — у театра тут большие возможности...

— Как хочется играть в таких серьезных, острых пьесах! И хочется, чтобы важные истины в них претворялись в сложных, интересных для воплощения характерах. Наверное, в этом мечта любого актера.

Беседу вела
Ю. МАТАФОНОВА.